

18+

ВЕРОНИКА
ДОБРОВОЛЬСКАЯ

Семейные тайны. Книга 20.
Падший ангел
рода.

Вероника Добровольская

Семейные тайны. 20
книга. Падший ангел рода

«Автор»

2026

Добровольская В.

Семейные тайны. 20 книга. Падший ангел рода /
В. Добровольская — «Автор», 2026

Савелий - сын Марата Новикова, человека, чья жизнь была искалечена пленом, лишениями и попытками фрау Кунц превратить его в хладнокровного убийцу Ашли Чаборти. Казалось, всё осталось в прошлом: сейчас тихая семейная жизнь, любящая жена и сын, которому уже исполнилось четырнадцать. Но одна шутка друзей оборачивается для Савелия открытием тайны, которую десятилетиями хранили стены старого подвала. Вы когда-нибудь задумывались, о чем молчат стены вашего дома? Возможно, вам просто повезло не услышать их шепот. Но есть истории, которые невозможно замуровать в камне. Истории, где запах лаванды становится предвестником катастрофы, а кровное родство - самым страшным проклятием. Эта книга о том, как ночь может разрушить судьбы целого рода, как скелеты в шкафу вырываются на свободу в самый неподходящий момент и как цена «чести» оказывается выше человеческой жизни.

© Добровольская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Семейные тайны. 20 книга. Падший ангел рода

Глава

2024 год июль. Санкт Петербург.

Квартира Новикова Марата Николаевича

Июль 2024 года в Санкт-Петербурге выдался аномально жарким, солнечным и сухим. Начало месяца воздух прогревался выше +33...+34 градусов. Город плавился, асфальт на Невском, казалось, вот-вот поплывет, а в квартире Марата Николаевича Новикова стоял запах спортивной мази и мужского одеколона.

Савелий, четырнадцатилетний парень с пшеничными волосами и глазами цвета густого меда, лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку. Его тело ныло после двух недель изнурительных тренировок, на которые его «зарядил» отец. Марат Николаевич, считал, что каникулы - это не повод для лени, а время для «кузницы характера».

Савелий перевернулся на бок и посмотрел в потолок. Там, в белой пустоте, он вдруг снова увидел не жаркую комнату, а ту давнюю кухню четыре года назад. Тогда он, десятилетний, болтал бездумно, как все мальчишки, и с восхищением сказал, что- Ашли Чаборти - «крутой мужик», который может всё получить. Сказал с той самоуверенностью, которая бывает только у детей, ещё не успевших толком узнать, как устроена жизнь.

Отец тогда усмехнулся, но не зло. Он достал телефон, набрал номер и почти сразу, без всякой помпезности, попросил Саву подойти. - Слушай внимательно, - сказал он, прикрыв микрофон ладонью. - Ашли, доброго вечера. Ты извини, что неожиданно, тут мой сын заявляет, что ты очень крут и получаешь всё что хочешь, просто так по щелчку пальца. Можешь рассказать, какие боевые искусства и языки знаешь. И как ты этого добился?- Он передал сыну трубку.

С той стороны послышался спокойный, низкий голос, и Савелий тогда стоял, раскрыв рот. Двадцать пять иностранных языков, несколько наречий, боевые искусства, о которых он и не слышал. Цифры и названия посыпались на него, как горсть монет на деревянный стол. Что каждый день тренировки и учёба. Савелий слушал, и с каждым новым названием - будь то забытый диалект кочевников или индийский или техника боя, требующая идеального контроля над каждым сухожилием, - его собственная уверенность в «легком успехе» таяла, как лед под паяльной лампой. Ашли не хвастался. Он говорил сухо, почти отстраненно. - ...и последнее, - голос в трубке стал чуть тише, - дисциплина - это не то, что ты делаешь, когда хочешь. Это то, что ты делаешь, когда тебя тошнит от усталости, когда хочется бросить всё и когда никто не смотрит. Если ты ищешь «щелчок пальцев», Сава, то ты уже проиграл. Успех - это не магия. Это просто очень длинная очередь, в которой ты стоишь, пока остальные уходят пить кофе.

Наступила тишина. Отец забрал телефон, коротко попрощался и нажал на «отбой». Он не стал читать нотаций. Вместо этого он подошел к окну, за которым городские огни сливались в размытое марево, и указал на отражение сына в стекле. - Видишь? - тихо спросил он. - Ашли не родился с этим списком в кармане. Он просто не позволил себе роскошь быть посредственным, когда другие искали оправдания.

Он потом долго ходил потрясённый, уверенный, что перед ним не человек, а какой-то недостижимый герой из другой планеты. И с тех пор отец всякий раз, когда хотел придавить сына к реальности, повторял одно и то же: «Вот люди, которые себя сделали. А ты всё ещё жалуешься на утреннюю разминку».

Тогда Савелий сердился. Сейчас - уже не так. Сейчас он больше уставал, чем спорил.

Дверь в комнату тихо скрипнула.- Живой? - Спросил Марат Николаевич.

Савелий не ответил сразу, только коротко выдохнул в подушку.

Отец вошёл, остановился у окна и постоял молча. Он был в домашней футболке. У него было больше седины, которую Савелий раньше замечал, а теперь - будто впервые увидел настоящему.

- Вставай, - сказал отец. - Через двадцать минут во дворе.

- Пап, я не могу больше, - глухо отозвался Савелий. - У меня всё болит.

- Значит, работает. - Спокойно ответил Марат Николаевич.

Савелий сел на кровати и раздражённо провёл рукой по волосам.- Ты, правда, думаешь, что если я буду бегать и отжиматься всё лето, то из меня что-то получится?

Отец не сразу ответил. Он подошёл к столу, налил себе воды из графина и только потом посмотрел на сына.

- Не если, - сказал он.- А как именно ты научишься не сдаваться, когда тяжело.

- А если я не хочу всё время не сдаваться?

- Хочешь или не хочешь, жизнь всё равно иногда ставит такой вопрос.

Савелий опустил глаза. Его раздражало, что отец говорит просто, без лишних слов, и от этого всё звучит ещё убедительнее. Он ожидал нравучений, но получил что-то хуже - правду.

С улицы донёсся далёкий детский крик, затем гудок машины, потом снова тишина. В жаре даже звуки как будто ленились.

- Я не могу стать таким, как твой Чаборти. - Буркнул Савелий.

Марат Николаевич слегка усмехнулся.- И не надо.

Савелий поднял на него взгляд.- Как это?

-Очень просто. Тебе не нужно повторять чужой путь. У него был путь очень страшный. У тебя будет свой. Но любой путь начинается с того, что человек перестаёт ждать удобства.

Он поставил стакан, сел на край стула и впервые за долгое время заговорил тише, без нажима.- Когда я был в твоём возрасте, у меня тоже был один знакомый. Сильный, умный, быстрый. Я всё время сравнивал себя с ним и злился. Думал, что если не выйдет так же, значит, вообще ничего не выйдет. А потом понял: сравнение - удобная ловушка. В ней можно прожить всю жизнь и не сделать ни шага. Я стал снайпером. - Марат Николаевич замолчал, его губы сжались и глаза стали суровее.- А потом я стал охранником, встретил твою маму.

- Знаю, бабушка с дедом говорили. Что ты странный был.

Марат Николаевич усмехнулся, – да уж странный. Если бы не Ашли и не твоя мама мы бы сейчас не разговаривали.

Савелий молчал. Отец редко говорил о себе. Это было почти непривычно.- Ашли тогда действительно впечатлил тебя, - вернулся к теме отец. - Но ты запомнил не главное. Не то, сколько он знает языков. И не то, сколько у него титулов. Главное в другом: он не жаловался на обстоятельства. Он работал. Каждый день. Когда было трудно, когда было скучно, когда никто не аплодировал.

- А если я не такой? - Тихо спросил Савелий.

Отец посмотрел прямо на него.- Тогда станешь.

Савелий вдруг почувствовал, что внутри что-то сдвинулось. Не стало легче - нет. Боль в мышцах никуда не исчезла, и жар за окном не стал мягче. Но где-то в груди, под раздражением и усталостью, появилась тонкая, упрямая нитка. Не вдохновение даже - скорее, возможность.

Они тренировались в этот день полтора часа. А потом Сава дополз до кровати. Вечером в комнату заглянула мать. Елена вошла тихо, как всегда, будто не хотела нарушать тишину, в которой отдыхал сын. Она присела на край кровати, поправив лёгкое летнее платье, и посмотрела на Саву с тем выражением, которое умела сохранять даже в трудные дни: немного усталое, но тёплое.- Устал? - Спросила она.

Сава только уткнулся, не поднимая лица от подушки.

Она помолчала, мягко проведя ладонью по его волосам.

- Знаешь, когда мы познакомились с папой, ему тоже пришлось нелегко, - тихо сказала Елена. - Было очень трудно. Но как только он позволил себе принять помощь, стало намного проще. Может, тебе стоит поговорить с ним?

Сава не ответил сразу. Он прислушивался к звукам дома: негромкому гулу кухонного вентилятора, приглушенному шуму машин за окном и звенящему зною, который никак не хотел отпускать город.

- Мам, а за что папа так уважает Ашли Чаборти? - Наконец спросил он.

Елена улыбнулась - не широко, а как-то задумчиво. - За что? Он хороший человек. Но не для всех. Он умеет беречь свою семью и по-настоящему заботится о ней.

Сава приподнялся на локте, нахмурившись:- А мы...мы входим в его семью?

Мать посмотрела на него внимательно, словно подбирая слова, которые должны были отозваться в нем не только сейчас, но и много лет спустя.- Мы - одна из ветвей его семьи, - ответила она. - Ты и твой отец.

Сава замолчал. Эти слова звучали странно, но в них таилось неожиданное спокойствие. Ветвь не существует отдельно от дерева. Она может тянуться в сторону, покрываться листвой, гнуться под порывами ветра, но всё равно остается частью большого живого ствола. Ему вдруг захотелось спросить, где именно он находится в этой семейной конструкции - у самого основания, на тонком кончике или на боковой линии, - но он не успел. -Однажды он собрал всех и рассказал историю нашего рода, - продолжила мать. - В ней было всё: тайны, предательства, обиды, ошибки, много боли и печали. Когда тебе исполнится восемнадцать, ты получишь книгу с нашей родословной.

- А почему не сейчас? - Глаза Савелия загорелись неподдельным интересом.

Елена мягко улыбнулась:- Он хочет, чтобы вы оставались детьми, а не несли на плечах груз ответственности и ошибок прошлого. Он сам признавал, что совершал их.

- Каких именно?

Мать снова улыбнулась, на этот раз загадочно: - Об этом ты узнаешь, когда подрастешь. Ты ведь общаешься со всеми детьми нашего рода, просто пока не осознаешь этого. Мы были в Италии, Германии, Австралии, жили в ОАЭ - всё это дома нашей семьи, нашего дерева. Ты общался с Ашли совсем недавно, но видел его и в семь лет, когда мы были в Индии. Ты тогда катался на лошади, у тебя даже фото осталось. Вот оно!

Она указала на полку - настолько привычную, что Савелий перестал замечать её содержимое. На снимке веселый златовласый мальчишка смеялся, сидя верхом, а рядом с ним улыбался худощавый мужчина с седыми волосами и пронзительными черными глазами. -Это Ашли Чаборти, - пояснила Елена. - Сейчас он выглядит немного иначе. Когда тебе исполнится восемнадцать, тебе торжественно вручат генеалогическое дерево и свод правил.

Савелий недоуменно уставился на мать: - Каких ещё правил?

-Правил семьи Чаборти, Колюшковы, Новиков и других

-А почитать можно сейчас? Вдруг там за провинности головы рубят? - Усмехнулся он и вдруг заметил, как лицо матери на мгновение стало бледным. Она с трудом выдавила из себя улыбку.

Елена наклонилась и поцеловала сына в лоб. - Мой ангел, - прошептала она. -Всему свое время.- И быстро вышла из комнаты.

Сава проснулся в темноте так резко, будто кто-то тихо щёлкнул его по лбу. В комнате стояла тишина - не мёртвая, а живая, ночная: из приоткрытого окна тянуло влажной прохладой, где-то в доме негромко поскрипывало дерево, а на подоконнике едва слышно шевелились занавески. Он полежал, глядя в потолок, и несколько мгновений не мог понять, где находится. Потом память медленно вернулась: узкая кровать с тёмным, почти строгим покрывалом, книжная полка, встроенный шкаф без лишних украшений, аккуратно сложенная одежда на стуле.

В их доме не любили показную роскошь. Денег было достаточно, но мать часто говорила, что порядок и мера ценнее золота. И в этой комнате всё было именно так: добротно, красиво, сдержанно.

Сава сел, провёл ладонью по лицу и прислушался. Дом спал, но не совсем. Внизу, за стенами, жила его ночная тишина - тяжёлая, дорогая, наполненная запахом дерева, воска и чего-то ещё, неясного, как память о длинном дне. Ему захотелось пить. Он спустил ноги на ковёр, нащупал тапки и, стараясь не шуметь, вышел из комнаты.

Коридор встретил его мягким полумраком. Лунный свет ложился на пол тонкими полосами, отражался в стекле рам с семейными фотографиями, в блеске ручек на дверях. Сава шёл осторожно, почти на цыпочках, и уже представлял холодный глоток воды, когда заметил, что из гостиной пробивается тёплое мерцание.

Он остановился. В гостиной горели свечи. Не ярко, не празднично - скорее задумчиво, как будто свет не освещал комнату, а только удерживал её от полной темноты. На низком столике стояла бутылка шампанского, а рядом два бокала. Один был пуст, другой - полный. Сава не сразу понял, что увидел, а потом различил на диване родителей.

Они сидели близко, почти обнявшись. Мать прижималась к отцу, как человек, который, наконец, смог выдохнуть после долгого дня. Отец обнимал её, и в свете свечей его лицо казалось старше и мягче, чем днём. Не строгим, не холодным - просто уставшим. От этого Сава почувствовал странную неловкость, будто случайно вошёл не туда, куда следовало.

Он уже хотел отступить, но взгляд сам упал на бокал. Вино в нём было тёмным, почти неподвижным, и Сава тут же вспомнил, как однажды слышал, что отцу нельзя пить. Никогда. Не потому что он не умел остановиться - наоборот, потому что в их семье у каждого были свои правила, свои границы, свои опасности. И о некоторых вещах не говорили вслух.

В комнате стояла такая тишина, что было слышно, как свеча изредка потрескивает, выбрасывая крошечные, почти невидимые искры.

- Я чуть не сказала ему, что быть Чаборти - это одновременно и гордость, и смертельная опасность, - тихо произнесла мать.

Сава замер. Отец тяжело вздохнул - звук был таким, словно внутри него на секунду разжалась тугая пружина. - Пока пусть живет в неведении, - ответил он.

Мать коснулась его рукава - в этом жесте было столько нежности, что Сава невольно отвел глаза. - Ашли был прав: те, кто не хочет знать тайн, могут просто жить, как обычная семья, - продолжил отец после паузы. - Но тот, кто входит в наш круг и принимает правила, обязан дать клятву верности.

Мать едва заметно усмехнулась, но улыбка вышла усталой: - Звучит как в фильмах про якудза или итальянскую мафию.

- Чаборти - не мафия, - выдохнул отец. - Это клан. Хотя, признаться, иногда мне кажется, что это самый опасный клан на земле.

Сава почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он не понял половины сказанного, но уловил главное: в комнате говорили о вещах, к которым он ещё не был готов. О словах, похожих на тяжёлые двери, за которыми скрывается чужая взрослая жизнь. Он осторожно сделал шаг назад, но задел плечом картину в коридоре. Рама чуть стукнула о стену. Звук вышел тихим, однако в наступившей тишине он прозвучал почти как выстрел. Отец поднял голову мгновенно. Сава даже не успел моргнуть, как тот уже стоял у дивана. Но уже через мгновение отец снова сел рядом с матерью. Лицо его стало холодным, собранным. - Сава, что ты тут делаешь? - Спросил он ровно.

От этого тона мальчик растерялся больше, чем от самого вопроса. - Я пить. - Прошептал он.

Пауза длилась всего секунду, но в ней успело уместиться многое: и напряжение, и тревога, и какой-то почти незаметный стыд, словно взрослые неожиданно вспомнили, что перед ними ребёнок.

- Иди, пей. - Сказал отец и снова обнял мать. Та спрятала лицо ему на груди.

Сава медленно прошёл к кухне. Свет там был совсем слабый: только ночная лампа над столешницей и тонкая полоска свечного сияния из гостиной. Он открыл кран, и вода зашумела чисто, прохладно, по-домашнему. Налил стакан до краёв, поднёс к губам и выпил почти залпом. Вода оказалась ледяной. Он поставил стакан на стойку и, всё ещё чувствуя на себе взгляд родителей, обернулся. Они сидели почти неподвижно. Отец закрыл глаза и медленно гладил мать по голове. Не в этом ли и заключалась их сила - в умении не кричать, не выставить напоказ то, что болит, а просто оставаться рядом?

Сава вдруг понял: в этой красивой, сдержанной гостиной, где свечи пахли пчелиным воском, а пол блестел так, что в нём отражались огни, семья была не украшением и не легендой. Она была работой. Каждый день, каждый взгляд, каждое молчание здесь что-то значили. И, может быть, именно поэтому дом казался таким надёжным. -Завтра в пять подъём и пробежка, потом языки и стрельба.- Голос отца прорезал тишину.

Сава невольно поморщился, но тут же увидел на лице матери едва заметную улыбку. Она была почти незаметной, как свет за плотно закрытыми шторами, но именно она вдруг согрела его сильнее всяких слов.

- Даже ночью ты не забываешь о тренировках. - Тихо сказала она.

- Ночью особенно не забываю. - Ответил отец.

Сава посмотрел на них ещё раз и ощутил, как страх понемногу отступает, уступая место чему-то другому - уважению, любопытству, детскому желанию однажды понять всё до конца. Он не знал, какая тайна скрыта за словами родителей, и, возможно, не должен был знать прямо сейчас. Но он ясно почувствовал другое: его не обманули, не отвергли, не отодвинули в сторону. Ему оставили время. -Спокойной ночи! -Сказал он.

- Спокойной! - Отозвалась мать.

Отец чуть кивнул, не открывая глаз. Сава вернулся в свою комнату уже медленнее. Темнота больше не казалась пустой. В ней был дом, был шорох половиц, запах воска и воды, тёплое дыхание родителей за стеной и завтрашнее утро, которое, как ни странно, внушало надежду. Он лёг в кровать, укрылся до подбородка и, прежде чем уснуть, подумал, что иногда настоящее богатство семьи - не в вещах, не в именах и даже не в тайнах. Оно в том, что однажды ночью ты случайно увидел своих родителей не великими и не страшными, а живыми. И понял: пока они рядом, мир можно выдержать.

В пять часов его поднял отец и что сказано ночью было выполнено. К двенадцати часам дня он приполз домой. Именно приполз - другого слова он бы и не нашёл. На лестнице остановился, чтобы перевести дыхание, потом долго искал ключи, потом с трудом провернул их в замке и вошёл в квартиру так, будто возвращался не с улицы, а с чужой, далёкой земли. Ему хотелось только одного: лечь, утонуть в сонной пустоте или бесконечно листать экран приставки, не думая ни о чём. Савелий рухнул на кровать, даже не сняв одежду. Но не успел он закрыть глаза, как телефон завибрировал под ухом. Экран вспыхнул: «Щегол». Сава с трудом нажал на ответ, даже не убирая голову с подушки. - Сава, давай ко мне на дачу,- голос Щеглова в динамике звучал возбужденно. - Это круче всяких там Мальдив, отвечаю! Отправляйся у родичей и дуй сюда. Я пацанам такое хотел показать, ты офигеешь.

- «Щегол», отвали, - промышчал Савелий, уже занося палец над кнопкой сброса. - Я труп. Отец меня ушатал в хлам.

Но Щеголов, а по-простому «Щегол», был не так прост. Он знал, на что давить.- Слушай, ты не понял, - затараторил он. - Тут есть такое место... Короче, там привидения. Реально!

Люди видят, как они ходят, тени всякие. Давай собирайся, мы это на камеру снимем, контент будет - пушка!

Савелий приоткрыл один глаз. В комнату пробивался яркий июльский свет, высвечивая пылинки в воздухе. -А что, раньше никто не снимал? - буркнул он, чувствуя, как внутри просыпается любопытство.

-Да все боятся, ты чего! - «Щегол» перешел на шёпот. - Они знаешь, какие страшные? У... без головы, рук и ног. Там и фрицы есть, и там же 1812 год французы, усадьба графа одного в деревне Старополье. Там партизаны были. Там такие развалины, Сава, там такая крипта, что волосы дыбом!

Савелий сел на кровати. Солнце озарило его растрепанные волосы, и он посмотрел в окно, где небо над Питером было пронзительно синим.

- Ты чего врёшь? - Недоверчиво спросил он, хотя в глубине души уже представлял, как они с пацанами пробираются через заросший парк к остову графского дома.

- Не, не вру, честно! -«Щегол» почти кричал в трубку. - Зуб даю! Там такая атмосфера, что даже у меня, когда мимо прохожу, мурашки по коже. Короче, жду тебя на станции. Не будь душнилой, это будет легендарно!

Савелий вздохнул, глядя на свои натруженные руки. Отец, конечно, устроит разнос, если узнает, что он сбежал из города, но перспектива снять «призраков» в Старополье казалась куда интереснее, чем очередная пробежка по стадиону.

-Ладно, - Сава усмехнулся, и в его медовых глазах блеснул азарт. - Буду. Но если там только кусты и комары - я тебя сам призраком сделаю.

- Договорились! - радостно гаркнул «Щегол». - Бери пауэрбанк, будем стримить, если связь поймает.

Савелий сбросил вызов и откинул телефон на кровать. В комнате снова стало тихо, но внутри него уже поселилось беспокойное предвкушение. Он подошел к зеркалу: под глазами залегли тени от недосыпа, а плечи ныли от «качалки». Отец, сейчас наверняка был в своем кабинете, разбирая бумаги и планируя завтрашнюю тренировку.

Сава прикинул шансы. Если сказать, что едет на дачу к другу - отец начнет допрос с пристрастием: «Кто родители? Где дача?». Про «Щегла» он знал, его отец занимался поставками оборудования, мать - архитектурным бюро. Но, отец будет спрашивать и про других и не поверит, что они едут вдвоём.

Пришлось включить режим «тихого саботажа». Он быстро набросал в рюкзак необходимое: пауэрбанк, запасную футболку и кофту, фонарик, несколько пачек с галетами и газировку, на всякий случай.

Сава выскользнул из квартиры, оставив на столе записку: «Ушел к Щеглу на дачу, буду через пару дней. Телефон может не ловить».

Электричка до Старополя пахла пылью, дешевым кофе и приключениями. Он доехал за два часа «Щегол» ждал его на платформе, нервно теребя лямку рюкзака. Выглядел он, как обычно, по-боевому: в широких штанах, кепке набекрень и с камерой наперевес.

- Ну что, готов к встрече с историей? – «Щегол» расплылся в ухмылке, едва Сава спрыгнул на перрон. - Там вообще вайб хоррор.

-Ты хоть карту скачал? - Сава поправил рюкзак, оглядываясь по сторонам. Вокруг простирались поля, переходящие в густой, почти черный лес.

-Зачем карта, когда есть чуйка? – «Щегол» махнул рукой в сторону горизонта. - Идем через овраг, там как раз те самые развалины. Говорят, в 1812-м там обоз с награбленным застрял, а потом... короче, сам увидишь.

Они шли около часа. Воздух становился тяжелее, а звуки города -гул машин, далекий шум поездов -окончательно растворились в стрекоте кузнечиков. Вскоре деревья расступились.

лись, и перед ними возникло то, что осталось от усадьбы. Огромные, поросшие мхом колонны, провалы окон, похожие на пустые глазницы, и полуразрушенная лестница, уходящая в никуда.

- Ну что, - «Щегол» включил камеру, и его голос заметно дрогнул, - добро пожаловать в Старополье. Сейчас будем искать призраков.

Вдруг раздался стон из кустов, Сава оглянулся, почувствовал как волосы встали дыбом, из окна посыпалась что-то. Сава сглотнул, посмотрел на испуганного «Щегла», у того тряслись руки. Неожиданно Сава почувствовал как на его плечо опускается чья-то рука он оглянулся, на его плече лежала рука костяная. Он вдруг завизжал, подскочил и бросился бежать, но упал в яму.

Сава лежал на дне ямы, засыпанную битым кирпичом и прелой листвой. Он удачно приземлился на кучу листвы. В ушах всё ещё звенело от собственного крика, а сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. Он зажмурился, ожидая, что костлявые пальцы вот-вот сомкнутся на его шее, но вокруг царила лишь давящая, душная тишина. Прошла минута. Потом вторая. Сава осторожно открыл глаза. Сверху, сквозь узкий проем, пробивался тусклый свет вечернего неба. Никаких стонов, никакого воя. Только далекий, едва уловимый шелест листвы.

- «Щегол»? - хрипло позвал он, чувствуя, как к горлу подкатывает стыд. - Эй, ты где?

В ответ - тишина. Сава попытался подняться, и вдруг замер. В темноте ямы, прямо перед его лицом, что-то белело. Он протянул дрожащую руку и коснулся холодного, шершавого предмета. Это была пластиковая имитация человеческой кисти, привязанная к длинной леске, которая уходила куда-то вверх, к краю ямы.

В этот момент до него донеслось эхо. Сначала это был приглушенный смех, который быстро перерос в истерический хохот. Где-то наверху, совсем рядом, «Щегол» и остальные пацаны, видимо, уже не могли сдерживаться. - Ну и рожа у него была! - донесся до него голос «Щегла», переходящий на визг. - «Мамочки, скелет!» Ты бы слышал, как ты визжал, Сава! Как девчонка!

Сава сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ярость, горячая и острая, вытеснила страх. Он уже собирался крикнуть что-то в ответ, чтобы пристыдить, но передумал. Он разозлился, если хотите хоррора будет Вам хоррор. Он огляделся это, кажется какое - то помещение, а если его обследовать? У парня загорелись глаза. У него есть всё в рюкзаке, а в записке отцу он написал на несколько дней. Он, достал из рюкзака фонарик, поднялся, закинул рюкзак за спину и спрятался за угол

- Эй, Сава! Живой там? - в яму заглянул один из парней. Вдруг его голос изменился, стал каким-то сиплым: - Э, пацаны, его тут нет!

- Ты чё гонишь? - голос «Щегла» стал тревожным. - В смысле «нет»? Он же только что там лежал, как лох последний!

- Ой, да вы попали, - выдохнула девчонка с фиолетовыми волосами и густо накрашенными глазами. Она нервно теребила край своей оверсайз-толстовки. - Его батя, вас в порошок сотрет. Если Сава не выйдет, вам хана, инфы сотка.

- Знаем, не скули, - рявкнул "Ден", нервно озираясь. Он спрыгнул с мотороллера, который стоял у края ямы. - Мой батя в его подчинении был, я в курсе, что к чему. Заткнись лучше, а то сама огребёшь.

- Да ладно вам, - «Щегол» попытался скрыть дрожь в голосе, пытаясь выглядеть на расслабоне. - Может, он просто в нычку какую свалил? Сава, хорош кринж ловить, вылезай!

Сава не ответил. Он включил фонарь, и луч света разрезал густую, как кисель, тьму подземелья. Это был не просто подвал - узкий кирпичный коридор уходил глубоко под фундамент усадьбы. Стены здесь были влажными, покрытыми черной плесенью, а воздух пах так, будто здесь столетиями гнили чьи-то секреты.

Сердце Савы колотилось в груди, как пойманная птица. Его всё ещё потряхивало от недавнего ужаса - руки ходили ходуном, а в ушах до сих пор стоял тот самый «костяной» холод, который он почувствовал на плече. «Твари, - пронеслось в голове, - решили меня на понт взять? Ну, сейчас я вам устрою шоу». Он сделал шаг вперед, и подошва кроссовка хрустнула по чему-то твердому. Сава направил свет вниз: под ногами валялись обломки старой керамики и чьи-то ржавые ключи.

- Эй, чел! - крикнул сверху «Щегол», и его голос эхом отразился от сводов, звуча теперь как-то жалко и тонко. - Мы реально не видим тебя! Сава, выходи, мы сваливаем, тут реально крипово стало!

Сава усмехнулся, чувствуя, как внутри разгорается нездоровый азарт. Он знал, что Щегол с пацанами сейчас стоят у края ямы, вглядываясь в черноту, и их «крутость» уже начала таять. Они привыкли к пранкам, к видосам в ТикТок, к тому, что всё вокруг - декорации. Но Сава решил пойти ва-банк. Он достал из рюкзака портативную колонку и быстро подключил её к телефону. Вбил в поиске «звуки призраков» и выкрутил громкость на максимум. - Ну что, пацаны, - прошептал он сам себе. - Хайпанем?

Из глубины коридора раздался леденящий душу, низкий утробный гул, переходящий в скрежет металла о камень. Звук был настолько реалистичным, что даже у самого Савы по спине пробежал табун мурашек.

Сверху послышался сдавленный вскрик. - Вы слышали?! - это был голос одного из парней, который приехал на скутере. - Это не Сава, это... это что-то другое!

Он включил запись: низкий, утробный гул, переходящий в скрежет металла по стеклу. Звук эхом разнесся по коридорам, многократно усиливаясь.

- Слышали? - прошептала девчонка, вжимаясь в сиденье своего скутера. - Это что за дичь?

- Да это он, сто пудов, приколы свои мутит, - Ден попытался сделать шаг к краю ямы, но ноги стали ватными. - Сава, хорош, не смешно уже!

В этот момент из колонки вырвался искаженный, замедленный голос самого Савы, который эхом отразился от стен- Вы... не... должны... были... сюда... приходить...

- Валим! - взвизгнул «Щегол», первым запрыгивая на свой «Альфа-мопед». - Это не Сава, это какая-то жесть!

- Да подожди ты, это пранк, инфа 100%! - Орал Ден, но его голос дрожал так сильно, что он едва мог удержать руль.

Девчонка с фиолетовыми волосами уже не пыталась казаться крутой. Она вцепилась в плечо Дена, её глаза, густо подведенные черным, расширились от ужаса. -Ден, погнали отсюда, реально! - взвизгнула она, когда из глубины подвала донесся новый звук: тяжелый, ритмичный стук, будто кто-то волочил по бетону кусок арматуры. - Это не пранк, ты не слышишь? Это вообще не по-человечески звучит!

Сава, притаившийся за выступом стены, едва сдерживал смех. Он видел их силуэты на фоне неба, заглядывающие в провал ямы. Он аккуратно переключил трек на колонке -теперь это был низкочастотный гул, от которого вибрировали зубы. -Слышь, «Щегол», ты куда?! - Ден попытался завести мотор, но тот лишь чихнул и заглох.- Да твою ж мать!

- Я сваливаю! - взвизгнул «Щегол» уже вовсю молотил стартером. Его мопед, наконец, взревел, и он, не оглядываясь, рванул прочь, подняв облако пыли.

Ден остался один. Он в панике дергал ручку газа, но скутер, будто заколдованный отказывался заводиться. Девочка спрыгнула с сиденья и бросилась бежать.

-Сава, хорош, я понял! - крикнул Ден в пустоту, его голос сорвался на фальцет. - Это жёстко, реально жёстко! Выходи, я извиняюсь, понял?!

В ответ - тишина. А потом, прямо из темноты, буквально в паре метров от края ямы, раздался тихий, вкрадчивый шепот, усиленный эхом подземелья:- Извинения... не принимаются...

"Ден" отшатнулся от края, споткнулся о собственный скутер и с грохотом рухнул на землю. Он не стал подниматься - он пополз назад, судорожно перебирая ногами, пока не вскочил и не бросился бежать в сторону леса, даже не пытаясь забрать свой транспорт.

Сава выключил колонку и фонарик, а на его лице расплывалась довольная ухмылка. - Ну что, - прошептал он сам себе, - кто тут теперь девчонка? - Сава сидел в полной темноте, слушая, как удаляется паникёры. Он был один, в глубоком подземелье, в старой усадьбе, о которой ходили самые жуткие легенды. Сава убрал колонку в рюкзак, закинул его на плечи и, тяжело вздохнув, протиснулся в узкий лаз. К его удивлению, проход вскоре стал шире, позволяя выпрямиться в полный рост - по крайней мере, при его метре шестидесяти это было вполне комфортно. Дальше путь пролегал по коридору, забитому вязким илом. Ноги постоянно вязли, и Сава мысленно поблагодарил отца: без изнурительных тренировок он бы точно сдался и повернул назад. Преодолевать это месиво было невыносимо трудно. Случайно коснувшись стены, парень отдернул руку - поверхность оказалась покрыта мерзкой, липкой слизью. Поморщившись от отвращения, он вытер ладонь о штанину. Вскоре коридор резко свернул и уперся в дверь, встроенную прямо в стену. Сава направил луч фонаря на дверную ручку. Он осторожно потянул за неё, но створка не поддавалась. Парень дернул сильнее, ещё раз, и вдруг ручка с хрустом осталась у него в руках.

Парнишка замер, не в силах скрыть замешательство. Сава тяжело ловил ртом воздух; вязкая, дурно пахнущая жижа под ногами неприятно чавкала, словно живое существо, пытающееся затянуть его в трясину. Он перевел взгляд на дверную ручку, которую сжимал в ладони - холодный, тяжелый металл, покрытый липким налетом, похожим на застывшую смолу. - Ладно, - пробормотал он, стараясь унять предательскую дрожь в голосе. - Либо механизм окончательно сгнил, либо я переоценил свою силу.

Оставив фонарь включенным, он опустился на корточки. Грязь здесь доходила почти до колен. Сава принялся лихорадочно расчищать пространство у порога. Вскоре пальцы нащупали что-то твердое: сначала показалось, что это обычный булыжник, но, смахнув слой ила, он распознал дерево.

В голову пришла мысль. Он достал смартфон и нажал на запись:

-Я нашел какое-то странное место. Тут дверь, и это не галлюцинации. Друзья -те ещё придурки, решили меня разыграть, но я сам нашел этот вход, когда случайно обрушил кирпичную кладку. Теперь пытаюсь пробраться внутрь.

Установив телефон так, чтобы камера фиксировала дверь, он навалился на неё всем телом. Бесполезно. Сава с досадой зашипел и ударил по полотну плечом, но та лишь отозвалась жалобным скрипом, не сдвинувшись ни на миллиметр. Тяжело дыша, он принялся внимательно осматривать преграду. Внезапно луч фонаря выхватил ключ, висевший на стене. Парень схватил его и дрожащими руками вставил в скважину. Раздался натужный щелчок, и дверь, наконец, поддавалась, приоткрывшись на пару сантиметров.

- Ничего себе... - Выдохнул Сава. Он толкнул дверь, но она не открывалась, он нажал на неё сильнее, дверь с трудом открылась. Внутри пахло пылью и старыми книгами. Но признаков ила и воды не было. Луч фонарика вырвал из темноты очертания огромных книжных шкафов, покрытых слоем паутины, массивный стол и большое кресло, которое словно ждало своего хозяина. Сава поднял фонарь вверх - под решётчатым потолком висела большая лампа. Под ногами клубилась пыль, и каждый шаг отдавался глухим эхом. И эта была не просто комната. Это был кабинет человека, который когда-то наполнял его жизнью. Чьи-то записи, инструменты, а главное - атмосфера старинной тайны, которая, казалось, ждала именно этого момента. Сава сделал шаг внутрь. А затем ещё один. Сердце колотилось от адреналина, но страх уступил место любопытству. В этот момент он понял: самые важные открытия в жизни случаются тогда, когда мы готовы пойти туда, куда нас не звали. Когда хватает смелости не отступить перед упрямой дверью и найти ключ даже там, где, кажется, нет входа.

Кто знает, какие истории скрывают эти полки? Может быть, прошлое этого кабинета объяснит, почему дверь была спрятана. А может, это просто начало нового приключения - того самого, которое начинается с маленького вдохновляющего шага в темноту, когда ты ещё не знаешь, что найдёшь, но уже чувствуешь, что вернуться прежним не получится.

Сава выключил запись. Пыльный воздух щекотал нос, под ногами скрипел паркет, но он улыбался. Впереди была целая неизвестность - и она определённо стоила того, чтобы её исследовать.

Сава осторожно подошёл к столу, который вырисовывался в темноте монолитной глыбой. Он убрал с него несколько пожелтевших бумаг и дунул - пыль серым облаком взметнулась вверх. Закашлявшись, парнишка вдруг увидел, что стол выглядит иначе под светом фонаря. На его поверхности что-то лежало. Сава дотронулся - и почувствовал под рукой явно не дерево: гладкая, немного прохладная поверхность, будто кожа или бархат.

Савелий присмотрелся. Перед ним лежала массивная книга в тяжелом темном переплете, украшенном медными уголками и застёжками. Сердце парня забилося чаще. Стоило ему осторожно приоткрыть обложку, как раздался сухой шелест страниц и в воздухе разлился тот самый неповторимый аромат - запах времени, присущий лишь старой бумаге.

На первой странице красовался витиеватый почерк:

«Граф Сергей Андреевич Старопольский (Колесников), 1800 год. Я решил записать историю своей жизни, хотя кто её прочтет? Мне необходимо высказаться, но довериться некому. Я - падший ангел своего рода. Так меня называли...»

Заметив на столе подсвечники, Савелий вспомнил о зажигалке в рюкзаке. Порывшись в его недрах, он выудил её, чиркнул и поднес огонек к фитилям. Свечи вспыхнули, их пламя тревожно задрожало на сквозняке. Савелий чуть прикрыл дверь, сквозняк ему был ни к чему, оставив лишь узкую щель. Затем он достал из рюкзака чистую футболку и толстовку, одел их, а грязной, смахнул пыль с кресла и, забравшись в него с ногами, углубился в чтение.

1756 год. Санкт Петербург

Октябрь выдался холодным. Но для Сергея этот холод был лишь фоном его ледяной ярости.

Он стоял в тени елей на окраине кладбища. Наблюдал, как в сырую землю опускают гроб его отца. Генерала. Человека, чьё имя гремело в Петербурге. А сердце было чернее дёгтя.

Казалось бы, сын должен плакать. Или хотя бы выглядеть скорбящим. Но Сергей лишь сжал челюсти. Его передёрнуло.

Он - единственный сын, наследник и продолжатель фамилии. Пять сестер и внук не в счет: он был родной кровинушкой. Поздний ребенок: отцу семьдесят, матери пятьдесят. Настоящее чудо.

И именно поэтому он стоял здесь не в траурном фраке, а в кандалах. Красивых, серебряных - под цвет его медовых глаз, которые в зависимости от света казались то светло-карими, то золотыми, то зеленоватыми. Белокурый, почти прозрачный, в младенчестве он был вылитый херувим: толстенький, светлый, с улыбкой, от которой сердце заходило от счастья. Мать не могла на него надышаться, плакала, не веря своему счастью. Эту историю ему рассказывали до десяти лет, а когда он впервые произнес слова, неподобающие ангелу и барину, -замолчали, дабы не нарваться. Ангел рода, вот те крест. Настоящий ангел.

А сейчас, закопченный на каторге. В камере, где сырость въелась в стены, словно плесень в родословную, он не выглядел сломленным. Серебро кандалов тускло поблескивало в скудном свете, пробивающемся сквозь узкую щель под потолком. Он сидел на нарах, выпрямив спину так, будто за его плечами всё ещё висел невидимый груз фамильного герба, а не тяжесть каторжных цепей.

Пять сестер, должно быть, уже поделили его долю, не дожидаясь, пока остынет отцовское кресло. Они всегда смотрели на него с той смесью обожания и зависти, какую питают к иконе, которую хочется поскорее спрятать в ризницу, чтобы не мозолила глаза своей безупречностью. А он? Он просто устал быть «чудом». Устал быть живым воплощением молитв, которые мать возносила в пустоту, пока отец скупал грехи рода золотом и влиянием.

Его «ангельская» внешность стала его проклятием. В детстве - золотая клетка, в юности - маска, за которой он прятал оскал, не подобающий херувиму. Он научился улыбаться так, что люди забывали о своих претензиях, но внутри него давно выжгло всё святое.

Когда он впервые ударил - не в гневе, а с ледяным спокойствием, - отец лишь рассмеялся, приняв это за проявление «силы крови». Когда он впервые преступил закон, мать заперлась в молельне, умоляя Бога вернуть ей прежнего мальчика. Но того мальчика никогда не существовало. Был лишь сосуд, в который вливали ожидания, пока он не треснул под их тяжестью.

Теперь, в тишине каторжного барака, он впервые чувствовал себя по-настоящему свободным. Здесь, среди воров и убийц, его медовые глаза не должны были светиться добродетелью. Здесь не нужно было быть «продолжателем». Он был просто человеком, закованным в серебро, которое стоило дороже, чем вся его прошлая жизнь.

Он поднял руку, рассматривая, как металл врежется в бледную кожу. Красиво. Почти как фамильный перстень, который он сбросил в грязь в тот день, когда за ним пришли. Ангел пал, но, глядя на свои руки, он понимал: падение - это единственный способ наконец-то коснуться земли, а не витать в облаках чужих иллюзий.

А ведь как всё начиналось! С детства Сергей был обласкан. Каждое его желание исполнялось с маниакальной точностью. Хотел игрушку? Вот тебе лучшая. Хотел коня? Через неделю во дворе уже ржал арабский скакун.

Гувернёры. Лучшие учителя. Подумаешь, что мальчик смотрел на них с превосходством. Зато, какой выучкой блещет!

В 10 лет ему впервые подали карету. Одному, если вы понимаете. Не для того, чтобы куда-то ехать. Просто чтобы он почувствовал: этот мир принадлежит ему.

В 15 он уже блистал на балах. Петербургская знать захлёбывалась восторгом. Ах, какой молодой человек! Ах, какая стать!

А в 16 Сергей впервые попался на краже.

Понимаете, кражи были и раньше. Мелкие. Почти детские шалости. Но никто не хотел замечать. Ну, взял сынок генерала безделушку у гостя. Ну и что? Вернём украдкой, скажем, что заигрался.

Отец? Он предпочитал не видеть. Мать? Она закрывала глаза. В прямом смысле.

Знакомая история, правда? Когда любимое чадо не может сделать ничего плохого. Когда все проступки списываются на «возраст» или «шалости». Когда родители так боятся испортить ребёнка, что уже испортили его окончательно.

Сергей рос. И вместе с ним росло чувство вседозволенности. Зачем воровать, если можно просто взять? Зачем просить, если можно требовать? Зачем уважать, если все вокруг - пыль под ногами?

теперь он стоял здесь. На морозе. В кандалах.

Даже мать закрывалась от него носовым платком. Словно он смердел. Словно он был чужим.

А ведь это она когда-то говорила: «Мой мальчик - ангел». Теперь ангел пал так низко, что родная кровь шарахается.

Интересно, о чём думал Сергей, глядя, как гроб опускают в землю? О том, что отец так и не узнает, каким чудовищем вырос его сын? Или о том, что теперь некому решать все проблемы?

Или, может быть, о том, что холод этой зимы - ничто по сравнению с той пустотой, которая разрасталась в нём все эти годы?

Санкт-Петербург, 1756 год.

Арестантская карета остановилась с таким скрежетом, будто сама земля взмолилась о пощаде. Одно из задних колес, не выдержав ухабистой дороги и тяжести груза, окончательно подломилось, зарывшись ступицей в придорожную грязь. Лошади, взмыленные и обессиленные, храпели, вытягивая шеи и пытаясь сдвинуть перекошенную махину, но лишь беспомощно переступали копытами.

- Стой, окаянный! Лошадей заморишь! - Рывкнул один из охранников, перекрывая шум ветра.

Карета в последний раз жалобно застонала и замерла, накренившись на бок. Возница, кряхтя, спрыгнул с облучка. Он подошел к колесу, почесал затылок под засаленной шапкой и, склонившись, с досадой плюнул в пыль.

- Совсем сломалась, напроць, - буркнул он, не поднимая глаз. - Ось лопнула. Дальше не поедem. Идите пешком.

Худой конвоир, чья форма висела на нем, как на вешалке, возмущенно всплеснул руками: - Ты с ума сошел? У нас арестант опасный!

Второй охранник, дородный мужчина с одышкой, лишь тяжело вздохнул и хлопнул напарника по плечу, призывая к спокойствию. - Наше дело маленькое, довели и сдали. Не на горбу же нам его тащить. - Он подошел к дверце, с лязгом откинул засов и, вглядываясь в душную, пропахшую потом и страхом темноту кареты, крикнул: - Эй, выходи!

Карета дрогнула. Из её нутра, тяжело ступая закованными в кандалы ногами, выбрался Сергей. Он зажмурился от непривычного света, глубоко вдохнул сырой вечерний воздух и, обведя конвоиров тяжелым взглядом, зло усмехнулся: - Куда идем, господа? На прогулку?

- Иди, зубоскал! - Толстый охранник, не церемонясь, подтолкнул его в спину, заставляя сделать первый шаг по раскисшей дороге.

Сергей пошатнулся, но устоял. Он шел, позвякивая цепями, и его глаза, привыкшие к полумраку тюремных камер, теперь жадно впитывали простор полей. Вокруг расстилалась бескрайняя, равнодушная к человеческим судьбам степь.

- А ведь неплохо, - тихо пробормотал он себе под нос, чувствуя, как холодный ветер пробирается под арестантскую робу. - Дорога длинная, ночь темная... Может, и не дойдем до города-то, господа хорошие?

Конвоиры переглянулись. Худой нервно потянулся к кобуре, а толстый лишь сильнее нахмурился, чувствуя, как недоброе предчувствие холодит затылок. В сломанном колесе кареты, оставшейся позади, им теперь виделась не досадная помеха, а дурной знак, предвещающий совсем не тот финал, на который они рассчитывали.

Они уже дошли до деревушки, когда худого вдруг прихватило. - Ты это гляди в оба! - Прошипел он, быстро убега в лесок.

Толстый огляделся, повернулся к Сергею - Ну, здравствуй, барин!

- Здорово будешь Крендель, что служишь? - С ехидством поинтересовался Сергей.

- Служу, не служу! - Пробормотал мужчина доставая ключи. - А теперь слушай, там в деревне, у синего дома тебя ждет лошадь, садись и катись ко всем чертям. Но, для порядка ударь меня.

- Зачем? - Удивился Сергей. - А кто лошадь прислал? - Поинтересовался он.

- Кто надо! - Рыкнул Крендель - Бей говорю!

Сергей пожал плечами и врезал Кренделю от всей души, что тот полетел кубарем. Уже сидя на лошади, он поймал себя на мысли, а кто же всё таки прислал лошадь?

Сырой октябрьский вечер. Дождь барабанил по мутным стеклам, а ветер завывал в печных трубах, будто старая торговка причитала над квашеной капустой. Внутри кабака на Малой Морской было душно и накурено. Пахло дешевым вином, кислой капустой, мокрыми тулупами и еще чем-то неуловимо петербургским - сыростью, смешанной с табаком.

Высокий худой человек сидел в самом темном углу. Он не пил. Просто сидел, ссутулившись, и смотрел в одну точку на столе, густо залитой пролитым пивом. Длинные пальцы лежали на столе неподвижно. Слишком неподвижно. Так ведут себя люди, которые много лет учились ждать и выживать.

Он выглядел не как завсегдатай этого места. Более того, он выглядел не как человек, которому здесь вообще место. Пальто старое, поношенное. Тонкое запястье выдавало породу, только на них проступали следы, круглые отметины, слишком белые по отношению с кожей рук. Глубокие морщины у губ и красные от бессонницы глаза говорили о том, что жизнь его совсем не баловала.

- Ого! - раздалось прямо над ухом.- Кто у нас здесь сидит!

Пьяный голос. Хмельной, распаленный, с той самой бесшабашной лихостью, которая появляется у человека, когда он уже перешагнул грань, отделяющую веселье от беспамятства. Тяжелая рука опустилась на плечо высокого мужчины. Тот вздрогнул - и в ту же секунду нож оказался у лица пьяного. Мгновенно, без лишних движений. Так, будто он держал его наготове всю жизнь. Лезвие переливалось в свете сальной свечи. У пьяного глаза округлились, стали огромными, как у филина, который увидел гремучую змею.

Он икнул. Хлопнул глазами. Ещё раз икнул.- Ну, ты даешь, «генерал», совсем... - выдохнул он.

- Мирошка! - Прошипел Сергей, узнав, наконец, лицо. Нож исчез так же быстро, как появился. Небрежное движение - и сталь уже в рукаве. Он сел обратно на заплыванную лавку, стараясь унять дрожь в руках. - Хочешь, чтобы я тебя отправил на тот свет? Чтобы твоя мать прокляла меня до седьмого колена? Совсем сдурел?

- Ты, барин, совсем из ума выжил! -Буркнул Мирошка, плюхаясь рядом.

Лавка жалобно скрипнула под его грузным телом. Мужик был налитой, сытый - не в пример своему худому собеседнику. Щеки красные от мороза и выпитого. Довольная ухмылка расплзалась по лицу, как масло по свежему хлебу.- Зачем звал? - Спросил он, понизив голос. -Да, свой он. - Махнул он рукой женщине за стойкой, которая уже подавала кому-то знаки. - Это свой, свои, не тронь! Свои!

Женщина недоверчиво покачала головой, но отвернулась. Ножи в этом заведении были делом привычным. Смерти здесь тоже случались. Но резать своих при свидетелях- такого местные не любили.

Только тогда Сергей, - которого Мирошка в шутку называл генералом, - поднял на него глаза. В них не было радости от встречи. Только усталость. Такая глубокая, что, казалось, она въелась в самые кости.- Воды, - хрипло сказал он. - Мне нужна вода. И тишина.

- Тишина? В кабаке? - Мирошка хмыкнул, но уже тише. Он внимательно смотрел на своего хозяина. Раньше он таким его не видел. - Ты барин с каторги случай не бежали?- Неожиданно прошептал он

Сергей холодно усмехнулся и взглянул на Мирошку так, что тот отшатнулся.

Длинные пальцы снова легли на стол. В них не было ножа. Но Мирошка знал: это ничего не значит. Его барин умел убивать и голыми руками. Собственно, он и раньше это делал.

Где-то в глубине кабака затянули песню. Кто-то разбил кружку. Хохот, грязная ругань, стук костей для игры в зернь. Мир жил своей жизнью. Но здесь, в темном углу, у этого стола, время будто остановилось.

- Четыре года, - тихо начал мужчина. - Четыре года я был там. А мой отец считал, что правильно сделал.

Мирошка молчал. Он умел молчать. За годы службы при барине он научился главному - уметь слушать, когда хозяин говорит сам с собой.

- А они... – Сергей усмехнулся. - Они считали меня ветошью .- Мирошка вздохнул. - Скажи, Мирошка, — вдруг поднял на него глаза Сергей. - Сколько тебе лет?

- Ты знаешь, барин. Тридцать два.

- Тридцать два. А я уже на пороге двадцати пяти.. И что я имею за душой? Ничего...- Он замолчал. - Пойдем, - сказал Сергей, вдруг, резко поднимаясь.

-Куда? - Мирошка тоже встал и с опаской посмотрел на барина .

-Туда, куда уже давно должен был пойти. Начну новую жизнь. А для этого..- У Сергея появилась холодная усмешка

- Барин, а барин!- Тихо просипел Мирошка, - а как Вы из под стражи сбежали. – Мирошка тут же прикусил язык, когда на него взглянули два холодных глаза, в которых можно было заморозить весь мир. Сергей захихикал, тихо, тихо, как только мог он и у Мирошки побежали огромные мурашки по спине, его передёрнуло и он попятился.- Вы барин молчите, молчите , и Мирошка помолчит.- Пробормотал мужчина , с желанием перекреститься, хмель выветрилась у него как только он положил руку на плечо Сергея.

Он взял с шапкой в руки и двинулся к выходу. Мирошка потоптался, глянул на кружку браги, которую ему принесли, вздохнул и последовал за барином. Дверь хлопнула. В кабаке снова стало шумно, как обычно.

1749год.Санкт Петербург.

Сентябрь. Холодный ветер с Невы пронизывает до костей, а серое небо нависает низко, словно предвещая скорый дождь. Узкие улочки бедных районов города кишат тенями и шорохами - здесь прячутся те, кого боятся и презирают.

Сергей, уже второй день бродил по этим мрачным кварталам. Его одежда - дорогой кафтан и сапоги -резко выделяются на фоне грязных и изношенных платьев прохожих. В руках он часто доставал серебряные часы, словно проверяя время, но на самом деле -чтобы заинтересовать тех кого он искал. Из кармана выглядывал кошелек, который он иногда демонстративно доставал, делая вид, что покупает что-то у уличных торговцев. Баловень судьбы, привыкший получать всё по первому требованию, Сергей заскучал. Роскошные балы, светские беседы и предсказуемые ухаживания за барышнями больше не приносили того острого ощущения жизни. Ему хотелось настоящей, кипящей, опасной реальности. Ему хотелось приключения, азарта, что бы взрыв был, а не унылое хождение по гостям, да причитание матери, да наставления отца и слезы старшей сестры Варвары. Именно тогда его тропа пересеклась с Мирошкой - вором, знающим каждый тёмный уголок и каждую щель в Петербурге. Он оглянулся. Чуть позади медленно тащился старый камердинер Павел - человек, который служил ещё его отцу, и теперь неотлучно следует за молодым господином. Его никуда не выпускали одного. Но сказав, что идёт в гости , он всё же взял Павла . Он должен, как надеялся Сергей молчать. Но его нытье уже сидело в печёнках.

- Барин, идёте домой, - простонал Павел, задыхаясь от усталости. - Уже холодно, да и темнеет рано. В такую пору по улицам ходить опасно.

Сергей с раздражением пнул старика по ноге. Павел упал, и тихо застонал.- Вставай,- холодно сказал Сергей и, не оглядываясь, пошёл дальше.

Павел с трудом поднялся, но не смог идти дальше, он так и остался стоять на мостовой.

Прошло ещё несколько минут, и у одной из тёмных подворотен Сергей заметил движение. Из тени вышел худой мужчина лет двадцати пяти, с хитрыми глазами - Мирожко, известный вор..

Мирожко пытался залезть в карман прохожего, но Сергей ловко схватил его за руку.

- Ну что, - сказал Сергей с усмешкой, - ты и есть тот, кого я ищу. Расскажешь, где прячутся твои товарищи?

Мирошко дернулся, пытаясь вырвать запястье из стальной хватки молодого дворянина, но лишь сильнее вскрикнул, когда пальцы Сергея сжались на его кости, словно тиски. Вор, привыкший к бегству, вдруг замер, почувствовав в глазах этого франта не страх, а холодную, расчетливую жестокость, от которой по спине пробежал мороз. - Барин, помилуйте! - засипел Мирошко, вжимаясь спиной в обледенелую кирпичную кладку подворотни. - Я что? Я ничего! Просто голод, барин, век воли не видать, голод окаанный толкает!

Сергей наклонился ближе, так что вор почувствовал едва уловимый аромат одеколона, совершенно чуждый этим гнилым переулкам.

- Голод - плохой советчик. Кличут тебя, как? - Тихо произнес Сергей, и в его голосе прозвучала сталь, от которой у вора перехватило дыхание.

-Мирошко!- Просипел тот.

-Вот что Мирошко. Ты ведь знаешь, что у меня в кошеле не медяки, а червонцы. И знаешь, что за такие деньги твои дружки готовы будут перегрызть друг другу глотки.

Мирошко сглотнул, глядя на золотую цепочку часов, мерцавшую в полумраке. Он понял: перед ним не просто богатый дурак, заблудившийся в трущобах, а хищник, который сам вышел на охоту. - Чего изволите, ваше благородие? - Голос вора стал вкрадчивым, почти подобострастным.

-Мне нужно знать, где собирается ваша братия, когда Нева начинает дышать льдом, - Сергей слегка ослабил хватку, но не отпустил. - Где делите добычу? Кто у вас за старшего? Отвечай, и, быть может, этот кошель станет твоим. А если солжешь - я велю своим людям вырезать тебе язык, чтобы ты больше не мог просить милостыню.

Мирошко нервно оглянулся по сторонам. В глубине подворотни, в густой, почти осязаемой тьме, послышался шорох крыс и далекий, приглушенный гул ночного Петербурга. - В кабаке, он Васьки Курпатова, что у Сенной, - быстро зашептал вор, глядя на Сергея затравленным взглядом. - Там подвал есть, за бочками с прокисшим элем. Там сегодня сходка. Сам Ванька-Косой будет, он всех воров в округе держит. Но барин... туда и стража не суется, убьют ведь!

Сергей усмехнулся, и эта улыбка была страшнее любого проклятия. Он отпустил руку Мирошки и небрежно бросил ему под ноги золотую монету. Та звякнула о булыжник, высекая крошечную искру.

- Веди, - скомандовал он. - И помни: если попытаешься сбежать или завести меня в ловушку, первым, кто отправится на дно Невы, будешь ты.

Мирошко, дрожащими пальцами подхватив золото, кивнул и юркнул в темноту, оглядываясь на своего нового хозяина. Сергей поправил воротник кафтана, бросил последний равнодушный взгляд на стонущего вдали Павла и уверенным шагом последовал за воров вглубь лабиринта петербургских трущоб, где сама ночь казалась сообщницей его тайного замысла.

Они двигались по лабиринту узких переулков, где воздух был пропитан запахом гнилой рыбы, нечистот и дешевого сивушного спирта. Петербург 1749 года в этих кварталах напоминал разверстую пасть: покосившиеся деревянные лачуги, подпертые бревнами, жались друг к другу, словно пытаясь согреться, а редкие фонари лишь подчеркивали густоту теней.

Мирошко, прихрамывая и то и дело, оглядываясь, вел Сергея к Сенной площади. Он двигался бесшумно, как крыса, привыкшая к своей норе. Сергей же шел уверенно, его сапоги с дорогими подковами гулко цокали по неровному булыжнику, привлекая внимание редких прохожих - оборванцев, которые, завидев блеск его пуговиц, поспешно отворачивались, уходя с дороги.

- Сюда, барин, - прошептал вор, останавливаясь у покосившегося строения, над входом в которое висела выцветшая вывеска с цифрой 4.. Ванька там, внизу. Только прошу, барин, не губите... я ведь только наводчик, я не душегуб.

Сергей остановился, оглядывая мрачный фасад. Изнутри доносился приглушенный гул голосов, перемежающийся с пьяным хохотом и звоном разбитой посуды. Он медленно расстегнул кафтан, проверяя, на месте ли рукоять пистолета, спрятанная за поясом.

- Ты останешься здесь, - бросил Сергей, не глядя на него. - Если через час я не выйду, можешь бежать хоть на край света. Но если ты хоть пискнешь страже или предупредишь их...

Он не договорил, лишь выразительно коснулся эфеса шпаги. Мирожко побледнел и прижался к стене, кивая головой.

Сергей толкнул тяжелую, обитую железом дверь. В лицо ударил спертый, горячий воздух, смешанный с вонью немытых тел и прогорклого жира. В кабаке было темно, лишь пара сальных свечей чадила на грубых столах. Заметив вошедшего дворянина, шум в зале мгновенно стих. Десятки глаз - мутных, злых, настороженных - уставились на незваного гостя.

Сергей прошел к центру зала, не выказывая ни капли смущения. Он чувствовал, как на него направлены десятки ножей, спрятанных под лохмотьями. - Кто здесь за старшего? - громко спросил он, и его голос, чистый и властный, прорезал тишину, как лезвие. - Мне нужен Ванька-Косой. У меня есть дело, которое принесет вам больше золота, чем вы наворуете за год, обшаривая карманы пьяных купцов.

Из-за дальнего стола, заваленного объедками, медленно поднялся коренастый мужчина с глубоким шрамом, пересекающим лицо. Он сплюнул на пол и, прищурившись, окинул Сергея тяжелым взглядом. - Ты, щенок, не туда забрел, - прохрипел Ванька, вытирая руки о грязные штаны. - Здесь за такие слова и голову с плеч снять могут. Кто ты такой, чтобы нам условия ставить?

Сергей усмехнулся, достал из кармана золотой кошель и, небрежно подбросив его, поймал на лету. Звук тяжелого металла, ударившегося о ладонь, заставил воров податься вперед.

- Я - тот, кто может сделать вас богатыми, - ответил Сергей, делая шаг навстречу главарю. — Или тот, кто может сдать вас всех до единого в Тайную канцелярию к утру. Выбирай, Косой. Либо мы говорим, либо завтра на Сенной будут виселицы.

- Что ты хочешь? - Прошипел Васька.

Сергей удовлетворенно улыбнулся - Ничего такого, просто на дело сходить.

Васька усмехнулся - А крови барин не боится? - Он достал нож и положил на стол.

- А мы посмотрим! - Усмехнулся Сергей.

Посмотрим или не посмотрим это как сказать. Павел сумел добраться до дома, помогли прохожие. Он и рассказал генералу по каким гостям два дня ходит сын.

Санкт-Петербург, 1749 год

Петропавловская крепость

Канцелярии тайных и розыскных дел.

Дом Генерала Каретникова

Санкт-Петербург, 1759 год. В Канцелярии тайных и розыскных дел, что притаилась в сырых казематах Петропавловской крепости, воздух был тяжелым, пропитанным запахом плесени, дешевого табака и страха.

Граф Александр Иванович Шувалов, глава Тайной канцелярии, сидел за массивным дубовым столом. Его лицо, напоминавшее застывшую маску, не выражало ничего, кроме усталой безразличности. Шувалов был человеком, чье имя заставляло бледнеть даже самых отчаянных вельмож: высокий, сухой, с пронзительными, почти бесцветными глазами, он казался воплощением самой государственной машины - безжалостной и безотказной. Его пальцы, униженные перстнями, перебирали ворох донесений.

- Опять кражи на Сенной... - пробормотал он, отбрасывая бумаги. - Мелкая сошка. Грязь. Но одна записка, скрепленная сургучной печатью, заставила его задержать взгляд. Строки были подчеркнуты несколько раз, словно писавший их агент дрожал от возбуждения. «Сергей Андреевич Каретников замечен в банде. Готовится к налету на купеческий склад».

У графа глаза полезли на лоб. Он откинулся на спинку кресла, и в тишине кабинета скрипнуло дерево. Каретников? Сын генерала? Этому щенку едва ли исполнилось семнадцать. Балы, французские романы - и вдруг разбой?

- Неужто сам Каретников? - прошептал Шувалов, и в его глазах мелькнул хищный огонек. - А что, если...

Мысль, пришедшая графу, была опасной, но донельзя соблазнительной. Такой мальчишка - идеальный инструмент. Необстрелянный, напуганный, с громкой фамилией, которая откроет ему двери в любые гостиные. Если его «приобщить» к делу, сделать своим псом, он станет идеальным шпионом. Но сначала - сломать. Сделать так, чтобы он забыл о своей спеси и генеральском отце.

- Привезти, - бросил Шувалов вошедшему адъютанту. - Прямо со сходки. И чтобы без лишнего шума.

Через два часа в пыточную камеру втолкнули юношу. Сергей Каретников выглядел нелепо в своем щегольском камзоле, который теперь был испачкан дорожной пылью и грязью. Его лицо, тонкое, почти девичье, было бледным, как полотно.

Шувалов стоял в тени, наблюдая за тем, как палачи готовят инструменты. В центре комнаты, в тусклом свете факелов, зловеще высилась дыба.

Сергей дрожал. Его трясло так, что зубы выбивали мелкую дробь. Он смотрел на дыбу, на кожаные ремни, на тяжелые щипцы, и в его расширенных зрачках отражался первобытный ужас. Он был еще ребенком, который играл в опасные игры, не понимая, что за ними стоит не приключение, а бездна.

Шувалов вышел из тени. Его сапоги гулко стучали по каменному полу. Он подошел к юноше вплотную, чувствуя, как от того исходит запах пота и страха.

- Ну что, Сергей Андреевич, - вкрадчиво произнес граф, поправляя кружевной манжет. - Нравится обстановка? Это не балы у императрицы, верно? Здесь не танцуют. Здесь признаются.

Мальчик открыл рот, пытаясь что-то сказать, но из горла вырвался лишь сдавленный хрип. Он смотрел на графа, как кролик на удава. - Ты ведь понимаешь, что тебя ждет? - Шувалов наклонился еще ближе, так что Сергей почувствовал холодный, почти мертвенный запах его парфюма. - Твой отец, генерал, человек чести. Он, конечно, будет опечален, узнав, что его наследник предпочитает компанию воров и убийц обществу гвардейских офицеров. Но, боюсь, даже его чины не спасут тебя от петли или клейма.

Граф сделал едва заметный жест рукой. Один из палачей, грузный мужчина, с лязгом опустил рычаг дыбы. Механизм отозвался протяжным, стонущим скрипом, от которого у Сергея подкосились ноги. Его подхватили под локти, не давая упасть, и прижали к холодной стене. - Посмотри на это, - Шувалов указал тонким пальцем на дыбу. - то не просто дерево и веревки. Это инструмент истины. Она вытягивает из человека всё: и ложь, и гордость, и даже саму жизнь. Ты ведь не хочешь, чтобы твои тонкие кости хрустели, как сухие ветки под сапогом?

Сергей судорожно сглотнул. Его глаза, полные слез и невыразимого ужаса, метались по камере, ища хоть какой-то выход, но везде натыкались лишь на равнодушные, каменные стены и безжалостный взгляд графа.

- Я... я не... - прошептал юноша, и голос его сорвался на визг. - Я просто хотел... это была шутка...

- Шутка? - Шувалов рассмеялся, и этот смех был суше, чем шорох пергамента. - В Тайной канцелярии не знают шуток, Сергей Андреевич. Здесь знают только долг. И сейчас твой долг

- слушать меня. Ты ведь хочешь жить? Хочешь вернуться в свой уютный дом, к отцу, к своим книгам?

Граф медленно обошел вокруг юноши, словно хищник, примеряющийся к добыче. Он остановился за спиной Каретникова и положил руку ему на плечо. Пальцы графа, холодные и цепкие, сжали ткань камзола так сильно, что Сергей вздрогнул.

- У меня есть для тебя предложение, - прошептал Шувалов прямо ему в ухо. - Ты станешь моими глазами и ушами там, куда мне не добраться. Ты будешь тем, кто приносит мне вести о тех, кто считает себя выше закона. Ты будешь моим псом, Сергей. И тогда... тогда никто не узнает о твоих ночных похождениях. Твой отец будет гордиться тобой, а ты... ты обрешь власть, о которой даже не смел мечтать.

Шувалов резко развернул юношу к себе. В его бесцветных глазах не было ни капли сочувствия - только холодный расчет.

-Ну же, мальчик. Выбирай. Либо ты сейчас же ложишься на этот помост и навсегда прощаешься со своим будущим, либо ты становишься моим человеком. Что скажешь?

Сергей смотрел на графа, тяжело дыша. В его глазах боролись остатки дворянской чести и животный страх смерти. Он понимал: пути назад нет. Тот, кто однажды переступил порог этого каземата, либо умирал, либо продавал душу. И, глядя на дыбу, Сергей понял, что его душа уже не стоит ничего.

- Я... я согласен, - едва слышно выдохнул он, и в этом звуке потонули последние остатки его юношеской гордости.

Шувалов удовлетворенно кивнул, словно принимал отчет о выполненной хозяйственной работе. Он отстранился, поправил манжеты и брезгливо отряхнул плечо юноши, будто стряхивая невидимую пыль.

- Разумный выбор, - сухо бросил граф. - Впрочем, иного я от тебя и не ожидал. Глупость - это привилегия бедняков, а у тебя, Сергей Андреевич, впереди целая жизнь, которую ты теперь посвятишь служению государству. И мне.

Он сделал знак палачу, и тот, с лязгом отпустив рычаг, отошел в сторону. Сергей, лишившись опоры, осел на грязный пол, судорожно хватая ртом спертый воздух. Его трясло, но это была уже не просто дрожь страха - это была агония сломленной воли.

- Поднимите его, - приказал Шувалов. - Приведите в порядок. Негоже сыну генерала предстать перед отцом в таком виде.

Адъютант подскочил к юноше, грубо дернул его за воротник, заставляя подняться. Сергей покорно подчинился, его взгляд был расфокусирован, он смотрел сквозь стены, сквозь графа, в какую-то серую пустоту.

- Завтра, - продолжал Шувалов, не глядя на свою новую «игрушку», - ты вернешься в свою банду. Ты будешь вести себя как ни в чем не бывало. Ты будешь их глазами, их ушами, их верным товарищем. Но каждое слово, каждый шепот, каждое имя, которое прозвучит в том вертепе - всё это будет принадлежать мне. Если хоть одна мышь проскочит мимо твоего внимания, если ты хоть раз попытаешься меня обмануть... - граф сделал паузу, и в тишине каземата этот звук показался громче удара колокола, - ...ты вернешься сюда. Но в следующий раз я не буду предлагать выбор. Я просто прикажу начать.

Шувалов развернулся и направился к выходу, его шаги гулко отдавались в сводах подземелья. У самой двери он остановился и, не оборачиваясь, добавил:

- И помни, Сергей Андреевич: теперь ты не просто дворянин. Ты - тень. А тени не имеют права на собственные желания. Ступай.

Когда тяжелая дубовая дверь с грохотом захлопнулась, отрезая путь к свету, Сергей остался стоять в полумраке. Он медленно поднял руки и посмотрел на свои дрожащие пальцы. Они были чистыми, но ему казалось, что они навсегда испачканы в той крови, которую он видел на стенах этой камеры. Он стал инструментом в руках человека, который не знал жалости, и

в этот миг он понял: его прежняя жизнь, полная балов, беззаботных прогулок и генеральских надежд, закончилась здесь, на холодном камне, под сенью дыбы. Теперь он принадлежал Тайной канцелярии. Теперь он принадлежал Шувалову.

Сергей вышел из Петропавловской крепости, когда над Невой уже занимался серый, промозглый рассвет. Речной туман лип к лицу, словно саван, пытаясь смыть с кожи запах пыточной, но этот смрад, казалось, вьелся в самые поры. Он шел нетвердой походкой, то и дело, оглядываясь на мрачные стены цитадели, которые теперь казались ему не просто тюрьмой, а огромным, ненасытным зверем, проглотившим его прежнее «я».

Дома, в особняке на Миллионной, царил тишина. Генерал ещё не проснулся. Сергей проскользнул в свою комнату, стараясь не шуметь. Он подошел к зеркалу и вздрогнул: из глубины стекла на него смотрел чужой человек. Лицо, еще вчера казавшееся юношески свежим, теперь выглядело осунувшимся, а в глазах застыло выражение затравленного зверя.

Он рухнул в кровать, не раздеваясь. Сон не шел. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором возникал силуэт Шувалова - высокий, сухой, неподвижный, как изваяние правосудия. К полудню, когда Сергей, бледный и молчаливый, спустился в столовую, отец уже сидел за столом, просматривая газеты.

Он поднял глаза на сына, и Сергей вздрогнул, ярость, злоба и ненависть была в глазах отца. - Ты щенок, как смеешь - Генерал замолчал, так как в столовую вошла мать. - Я думаю нашему сыну полгода жить на даче нужно, а то он совсем потерялся.

Марта Викторовна посмотрела на мужа недоуменно и поняла, что лучше согласиться. - Она кивнула и решила уйти, дабы не навлекать на себя гнев мужа

- Хорошо, отец! - Прохрипел Сергей, он увидел, как у отца округляются глаза, и открывается рот от удивления. Но тут же он вспомнил, с кем имеет дело и решил что это опять игра. - На полгода на дачи и попробуй что - то там выкинуть. Ты понял?

- Да, отец! - Прохрипел Сергей.

Полгода пролетели быстро, Шувалов о себе не напоминал, вернувшись, Сергей сначала побаивался, а потом решил, что Шувалов решил отстать от него и взялся за старое.

Санкт-Петербург 1750 год

Санкт-Петербург дышал сыростью Невы и запахом дешевого табака. В ту ночь город казался Сергею огромной декорацией, выстроенной специально для его потехи.

- Ну что, барин, струсил? - Мирошка, нервно переминался с ноги на ногу у высокого забора дома галантерейщика.

- Струсил? - Сергей усмехнулся, поправляя камзол. - Я иду, Мирошка. Деньги - это для лавочников. А мы идем за жизнью.

Они ворвались в дом, как ледяной сквозняк. Грохот опрокинутого стула, звон разбитого фарфора - всё это казалось Сергею музыкой. Хозяин, толстый, заспанный галантерейщик, вжался в стену, лепеча что-то о полиции. Но Сергей его не видел. Его взгляд приковала она.

Анна стояла у лестницы, прижимая к груди кружевную шаль. В её глазах, вопреки страху, горел странный, почти дерзкий огонек. Сергей, поддавшись внезапному порыву, в два шага преодолел расстояние и грубо, по-хозяйски, притянул её к себе.

- Не боишься, красавица? - Прошептал он, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Анна не отстранилась. Она вскинула подбородок, и в её взгляде он прочел не мольбу, а вызов. Её пальцы на мгновение коснулись его лацкана - горячие, живые.

В карете, уносясь прочь от сонного квартала, Сергей жмурился, как сытый кот. - Видал, Мирошка? - хохотал он, потирая ладони, на которых еще остался аромат её духов. - Она ведь не просто испугалась. Она ждала!

Две ночи пролетели как один безумный миг. Они встречались в саду, в тени лип, и каждая минута была наполнена опасностью, которая лишь разжигала их страсть. Но на третий день

сказка разбилась о суровую реальность. Отец Анны, проследив за дочерью, запер её в комнате, а самого Сергея встретил на пороге с таким выражением лица, что даже дерзкий барин на секунду опешил. - Еще раз увижу у ворот, - прошипел галантерейщик, - велю слугам спустить собак. И не посматривай, что ты дворянского рода!

Сергей отступил, но внутри него не было страха. Было лишь холодное, острое желание победить. «Запер- думал он, сжимая кулаки. - Ну, старик, ты сам выбрал игру».

Он написал записку, полную пылких обещаний: «Анна, я договорился с попом. Мы венчаемся тайно, и в ту же ночь - прочь из этого города. Жди меня».

Записку перехватили. Галантерейщик, багровый от ярости, не пошел к квартальному. Он отправился напрямик к генералу, отцу Сергея.

Кабинет генерала был пропитан запахом старой бумаги и пороха. Генерал сидел за массивным столом, не поднимая глаз от бумаг. Галантерейщик, сжимая в руках скомканную записку, стоял напротив.

- Ваше превосходительство, - голос купца дрожал от негодования, - ваш сын... он бесчестит мой дом! Он обещает венчание, он сбивает девку с пути! Это не шалости, это разорение моей семьи!

Генерал медленно поднял голову. Его лицо, изрезанное шрамами, казалось высеченным из камня. Он взял записку, пробежал глазами по строчкам и медленно, очень медленно разорвал её на мелкие клочки. - Вы пришли ко мне, чтобы я наказал своего сына за то, что он проявил настойчивость? - Голос генерала был тихим, но в нем слышался лязг стали.

-Я пришел просить защиты от его безумия! - Воскликнул купец.

Генерал встал. Он подошел к окну, глядя на серые, безразличные воды Невы, которые в этот час казались особенно холодными. В кабинете повисла тишина, тяжелая, как свинец.

- Защиты? -Генерал обернулся, и в его глазах, холодных, как лед на Фонтанке, не было ни капли сочувствия. - Вы, почтенный, путаете понятия. Мой сын - дворянин. Его кровь требует огня, а не лавочного покоя. Если он выбрал вашу дочь, значит, в ней есть то, чего не найти в ваших сундуках с лентами и кружевами.

Галантерейщик побледнел, его пухлые пальцы судорожно сжали край стола.

- Но он обещает венчание! Это же позор для моего дома, если он лишь играет!

- А если не играет? - Генерал сделал шаг вперед, нависая над купцом, словно скала. - Вы хотите, чтобы я запер его в подвале? Чтобы я сломал ему волю? Послушайте меня внимательно. Если Сергей решил взять свое, он возьмет. И если он действительно готов пойти под венец с дочерью галантерейщика, значит, он уже перестал быть мальчишкой, который ищет лишь забавы.

Генерал подошел к столу и ударил по нему ладонью так, что чернильница подпрыгнула.

- Убирайтесь. И молитесь, чтобы мой сын не передумал. Ибо если он решит, что вы стоите у него на пути, он не станет просить у меня разрешения. Он просто сожжет ваш дом дотла, и поверьте, в этом городе никто не спросит с него за это слишком строго.

Купец попятился, не веря своим ушам. Он ожидал справедливости, а получил холодный оскал аристократического произвола. Выскочив на улицу, он чувствовал, как дрожат колени.

Тем временем Сергей, не подозревая о визите отца, сидел в своей комнате, нервно вертя в руках перстень. Он был в ярости. Записка не дошла, Анна молчала, а запертые ворота дома казались ему личным оскорблением.

-Мирошка! - Крикнул он, не оборачиваясь.

- Здесь я, барин, - отозвался тот из угла.

- Запрягай. Мы не поедем к воротам. Мы поедем через крышу. Если старик думает, что запер её в клетке, он забыл, что у клетки есть окна.

Сергей подошел к зеркалу. Его лицо, обычно беззаботное, сейчас было жестким, почти хищным. В нем проснулось то самое чувство, которое он искал в ту ночь — не просто азарт, а

жажда обладания. Он не просто хотел девушку, он хотел доказать всему миру, что его желания — это закон, перед которым пасуют и отцы, и замки, и сама судьба.

- Сегодня ночью, - прошептал он своему отражению, - мы не будем играть. Сегодня ночью мы заберем то, что принадлежит мне по праву сильного.

Он не знал, что отец уже дал ему негласное «добро» на этот произвол, и эта свобода действий пьянила его сильнее любого вина. В 1750 году в Петербурге правда была на стороне того, у кого была шпага и решимость её обнажить. И Сергей был готов обнажить свою.

Ночь опустилась на Петербург тяжелым бархатным пологом, скрывая в своих складках и грязные подворотни, и золоченые шпили. Сергей, облаченный в темный плащ, сливался с тенями, словно был их частью. Мирошка, прижимая к груди моток веревки с железными «кошками», едва поспевал за барином.

- Барин, - прошептал он, когда они остановились в переулке напротив дома галантерейщика, - а если старик не один? Если он стражу нанял?

Сергей обернулся, и в тусклом свете луны его глаза блеснули недобрым, почти безумным огнем. - Пусть нанимает. Чем больше препятствий, Мирошка, тем слаще победа. Ты боишься?

- Да нет, барин... просто... не по-людски это, - пробормотал Мирошка, но, встретившись с холодным взглядом Сергея, осекся.

Сергей не ответил. Он уже видел окно на втором этаже - единственное, в котором теплился слабый огонек свечи. Анна. Она ждала. Он чувствовал это каждой клеткой своего существа, как натянутая струна чувствует прикосновение пальца.

Они действовали слаженно, как заправские воры. Веревка с глухим стуком зацепилась за карниз. Сергей, обладавший природной ловкостью, взлетел по стене, не чувствуя тяжести собственного тела. Сердце колотилось в горле, но это был не страх — это был восторг охотника, настигающего добычу.

Оказавшись на узком карнизе, он заглянул в комнату. Анна сидела на кровати, обхватив колени руками. Услышав шорох, она вскинула голову. Ее лицо, бледное и осунувшееся от слез, вмиг озарилось такой надеждой, что у Сергея перехватило дыхание.

Он толкнул раму - та поддалась с тихим скрипом.

- Ты... - выдохнула она, прижимая ладони к губам. - Отец сказал, что ты забыл меня. Что ты лишь играл.

Сергей спрыгнул на пол, бесшумно, как хищник. Он подошел к ней, и в этот момент в его душе что-то надломилось. Азарт, жажда приключений, желание доказать отцу свою силу - все это отступило перед тем, как она смотрела на него. В ее глазах не было ни упрека, ни страха, только безграничное доверие.

- Я никогда не играю с тем, что считаю своим, - прошептал он, касаясь ее щеки. - Собирайся. Внизу ждет карета. Мы уезжаем сейчас.

- Но отец... он убьет меня, если узнает!

- Твой отец уже проиграл, - усмехнулся Сергей, и в его голосе прозвучала сталь, унаследованная от генерала. - Он ходил к моему отцу, Анна. И знаешь, что он получил в ответ? Разрешение на то, чтобы я забрал тебя.

Девушка замерла, не веря своим ушам. В этот миг она поняла: этот юноша, с его дерзостью и безумством, был единственным, кто мог вырвать её из душного, размеренного мира лавок и счетов.

Внезапно в коридоре послышались тяжелые шаги. Дверь дернулась - запертая снаружи, она заходила ходуном под ударами плеча.

- Анна! - раздался яростный голос галантерейщика. - Я знаю, что ты не спишь! С кем ты там шепчешься?!

Сергей схватил Анну за руку, его глаза азартно сверкнули. Он не собирался бежать через окно, как трус. Он подошел к двери и с силой распахнул её. Галантерейщик, не ожидавший такого напора, отшатнулся, едва не упав.

- Доброй ночи, почтенный, - произнес Сергей, смерив мужчину ледяным взглядом. - Ваша дочь уезжает со мной. И советую вам не препятствовать. Мой отец уже в курсе наших намерений, и поверьте, его гнев будет куда страшнее, чем мой.

Галантерейщик открыл рот, пытаясь что-то выкрикнуть, но, увидев за спиной Сергея решимость, граничащую с безумием, и осознав, что за этим мальчишкой стоит вся мощь генеральского дома, побледнел и осел на пол.

Сергей подхватил Анну за талию и, не оглядываясь, повел её прочь из дома, который еще вчера казался ему декорацией, а сегодня стал местом его первой настоящей победы. Петербургская ночь принимала их в свои объятия, и впереди была неизвестность.

Карета, запряженная парой вороных, сорвалась с места, едва копыта коснулись мостовой. Грохот колес по булыжнику заглушал крики галантерейщика, оставшегося где-то позади, в темноте узкого переулочка. Сергей сидел, откинувшись на обивку, и крепко сжимал ладонь Анны. Она дрожала, но в этой дрожи не было слабости - лишь осознание того, что пути назад, в тихую, размеренную жизнь, больше нет.

- Ты понимаешь, что мы сделали? - тихо спросила она, глядя на мелькающие за окном огни ночного города. - Ты ведь не просто увез меня. Ты сжег все мосты.

Сергей повернулся к ней. В полумраке кареты его лицо казалось высеченным из мрамора, но глаза горели тем самым лихорадочным блеском, который так пугал и одновременно притягивал её.

- Мосты? — он усмехнулся, и в этом звуке не было ни капли раскаяния. - Мосты нужны тем, кто собирается возвращаться. Я же, Анна, никогда не оглядываюсь. Мой отец дал мне карт-бланш, сам того не ведая. Он думал, что я просто «поиграю» и брошу, как надоевшую игрушку. Но он ошибся. Я не играю. Я выбираю.

Анна прижалась к его плечу. Она чувствовала запах его камзола - холодного ночного воздуха и чего-то неуловимо опасного.

- Куда мы едем? - спросила она, чувствуя, как страх перед неизвестностью сменяется странным, пьянящим чувством свободы.

- В имение под Гатчиной, - ответил Сергей, не сводя с нее глаз. - Там нас никто не потревожит. А завтра, как только взойдет солнце, я отправлю гонца к священнику. Ты станешь моей женой, Анна. Не потому, что так велит долг, а потому, что я так решил.

Мирошка, правивший лошадьми, то и дело оглядывался на карету. Он слышал каждое слово барина и понимал: жизнь их изменилась навсегда.

На рассвете, когда город остался далеко позади, а небо окрасилось в тревожные багровые тона, карета остановилась у старой почтовой станции. Сергей вышел первым, подал руку Анне. Она ступила на землю, чувствуя, как ветер треплет её волосы. Вокруг простирались бескрайние поля, покрытые утренним туманом.

- Смотри, - Сергей указал рукой на горизонт. - Это наш мир теперь. Никаких лавок, никаких отцовских запретов, никаких «можно» и «нельзя». Только то, что мы возьмем сами.

Анна посмотрела на него - на этого юношу, который в свои восемнадцать лет уже успел перевернуть её жизнь вверх дном. Она поняла, что он не просто увлекся ею. Он сделал её частью своей игры, своего личного бунта против всего мира. И, как ни странно, она не хотела быть никем иным, кроме как его спутницей в этом безумном путешествии.

- Ты опасный человек, Сергей. - Прошептала она, подходя ближе.

- Я человек, который знает цену желаниям, - ответил он, притягивая её к себе. - И поверь, Анна, это только начало. Петербург ещё услышит о нас.

Вдали послышался стук копыт -возможно погоня, а может путники.

1756 год Санкт –Петербург .

Дом Генерала Колесникова

После похорон, дом генерала погрузился в тяжелую траурную тишину, Сергей встретился со своими старыми «товарищами» - бандой, с которой когда-то делил кабаки, кражи и кулачные бои. Лишних вопросов не задавали.

А за окнами неистовствовала буря: ветер выл, деревья гнулись к самой земле, а на Неве вздымались высокие волны. Варвара сидела в темной комнате, не желая зажигать огня - ей хотелось видеть эту яростную ночь без прикрас, в первозданном мраке. Как вдруг увидела тени, которые крались по двору. Она поняла, идут к тайной двери, которую знала только семья. Значит Сергей уже здесь. Она сжала платок в руках и пыталась выбрать бежать туда или остаться. Борьба продолжалась недолго, она бросилась вон из комнаты. Сергей провёл сообщников кабинета покойного. Пока подельники набивали мешки золотыми подсвечниками и шкатулками, Сергей нашел то, что искал: личные дневники отца. Пролистав страницы, он усмехнулся. Генерал не жалел чернил: здесь были ядовитые строки о презрении к императору и императрице, о ненависти к собственному сыну, которого он называл «выродком», и о лютой злобе к «жирным, заплывшим салом господам», что правили страной. Но несколько страниц он вырвал, по его лицу шли красные пятна, он был похож на помешанного - Печатайте, - бросил Сергей, швыряя тетрадь главарю банды. - Пусть весь Петербург узнает, как их «герой» плевал им в лицо. Внезапно распахнувшаяся дверь кабинета всегда сулит либо нечто радостное, либо катастрофу. В ту ночь случилось второе. На пороге стояла Варвара - старшая сестра Сергея. Смертельно бледная, с глазами, полными ужаса, она сжимала кружевной платок, пропитанный насквозь запахом лаванды, даже платье не скрывало её худобы. Но, страшное скрывалось не в запахе духов, а в словах, готовых сорваться с её губ. - Как ты посмел? - Прохрипела она.

Этот вопрос эхом разнесся по комнате, но Сергей не дрогнул. Он лишь коротко кивнул подельникам, стоявшим в тени массивных книжных шкафов, словно призраки, вызванные из прошлого. Они поняли его без слов и бесшумно растворились в ночной темноте, оставив брата и сестру наедине. В кабинете повисла тяжелая, удушливая тишина, нарушаемая лишь треском догорающих поленьев в камине. Казалось, сам огонь затаил дыхание в ожидании развязки.

- Что именно... мама? - С внезапной злобой бросил Сергей. Его голос дрожал не только от ярости, но и от глубокого, тщательно скрываемого разочарования.

Варвара пошатнулась, словно от невидимого удара. Её гордость рассыпалась в прах в одно мгновение. Опустившись перед ним на колени в дорогом шелковом платье, которое прошлепало по паркету, как опавшие осенние листья, она сломалась. - Я была слаба... Я испугалась осуждения, - прошептала она, не смея поднять глаз. - Отец приказал мне хранить всё в тайне. Он сказал, что честь рода важнее правды.

И вот тут правда, наконец, прорвалась наружу, обжигая похлеpci пламени в камине. Сергей усмехнулся, и в его словах зазвучала горечь, разъедающая душу, как кислота разъедает металл:

- Ну да, 5 мая 1731 года. Варвара упала в обморок, вызвали лекаря... «Эта дура беременна, и от кого? От сына Флора, от сына моей матери!» Это был конец. А потом явился этот подлец и смеялся мне в лицо. Решил, что мальчик станет моим наследником. Бог не дал мне сыновей, но дал внуков — хоть одного! А теперь... теперь чужой ребенок будет моим сыном. Что ж, дай Бог, всё будет хорошо.

Каждое его слово было пропитано ядом. Тайна, которую они так долго хоронили, оказалась сильнее их всех.

Сергей подошел к огромному балкону и распахнул его настежь с такой силой, что стекла жалобно задребезжали. Холодный ночной воздух ворвался в комнату, безжалостно разгоняя приторный запах лаванды. Он смотрел на улицу, раскинувшееся внизу - на землю, дом, тра-

диции, которые теперь принадлежали не ему. Они принадлежали крови, которую он презирал всей своей душой.

-Выслушай меня – Прошептала Варвара.

1731 год Санкт Петербург

Дом Генерала Каретникова

Слова отца, как ржавый нож, полоснули по сердцу: *«Эта дура беременна, и от кого? От сына Флора, от сына моей матери!»*

Варвара стояла за тяжелой портьерой, вжавшись в холодную стену. В гостиной гремел голос генерала, полный ярости и брезгливости. Она слышала, как он ходил из угла в угол, как звенели бокалы, в которые он наливал себе коньяк, чтобы заглушить позор.

«Сын Флора...» -эхом отозвалось в голове. Жорж. Тот, кто казался ей видением, сошедшим с полотен старых мастеров.

Варвара всегда была «серой мышкой». В свои тридцать пять она знала лишь запах накрахмаленного белья, отчеты по хозяйству и бесконечные лекарства, которые приходилось пить от вечной слабости в груди. Она была экономкой в доме собственного отца, тенью, которая следила, чтобы у сестер были лучшие платья, а у матери - покой. Она привыкла отдавать, ничего не требуя взамен.

А потом случился тот бал. Жорж появился в зале, словно греческий бог, сошедший с картины. Его белокурые волосы сияли в свете люстр, а улыбка была такой ослепительной, что Варвара, стоявшая в углу, была околдована. Он подошел к ней - не к знатым дамам, а к ней, бледной, болезненной. Он заговорил, и его голос был как бархат. Он увлек её в танец, и в тот вечер Варвара впервые почувствовала себя живой. Она забыла о долге, о сестрах, о своей немощи. Он был подлец. Она поняла это слишком поздно. Он смеялся ей в лицо, когда она, дрожа, призналась в своей тайне. Он видел в ней лишь забаву, а когда узнал о ребенке - лишь способ укрепить свое положение в доме генерала. «Если родиться мальчик он станет твоим наследником, старик», - шептал он генералу, и тот, ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку. Бог не дал генералу сыновей, но дал двух внуков. Один родился законно в браке родителей. А второй бастард. И теперь этот внук - плод греха, плод обмана - должен был стать его гордостью.

Варвара вышла из-за портьеры. Она выглядела жалко: тонкие запястья, впалые щеки, глаза, полные невыплаканных слез. Генерал замолчал, глядя на неё с ненавистью.- Ты... - прохрипел он.

Варвара хотела что-то сказать, оправдаться, но мир вдруг качнулся. Пол ушел из-под ног, люстры завертелись в бешеном хороводе. Она почувствовала, как холодный паркет приближается к лицу.

Последнее, что она помнила - это торжествующий взгляд Жоржа, который стоял в дверях, скрестив руки на груди. Он не бросился к ней. Он лишь усмехнулся, глядя, как «его наследник» падает вместе с матерью.

Очнулась она в своей комнате. В воздухе пахло валерьянкой и пылью. Генерал сидел в кресле у окна, глядя на сад.

- Что ж, - сказал он, не оборачиваясь, - дай Бог, всё будет хорошо. Ребенок будет носить мою фамилию. А ты... ты будешь молчать. Ради семьи. Ради сестер

Варвара закрыла глаза, чувствуя, как внутри, под сердцем, теплится крошечная, едва уловимая жизнь. В этой тишине, нарушаемой лишь скрипом старого кресла, она поняла: её жизнь, и без того призрачная, окончательно перестала ей принадлежать. Она стала сосудом, инструментом, живой печатью на документе, который генерал подписывал кровью её позора.

- Ты слышишь меня, Варя? - голос отца был сух, как осенний лист. - Никаких слез. Никаких признаний. Ты больна, ты уезжаешь в имение под присмотр старой няньки. Вернешься, когда... когда всё свершится.

Он не смотрел на неё. Для него она уже была не дочерью, а досадной помехой, которую нужно спрятать в дальний угол, чтобы потом извлечь оттуда «законного» наследника.

Дни потянулись, как в лихорадочном сне. Варвару отправили в глушь, в старый дом, где стены дышали сыростью, а единственным собеседником была тишина. Она часто сидела у окна, положив ладони на округлившийся живот. В эти моменты она не чувствовала себя «серой мышкой» или экономкой. В ней просыпалась ярость - тихая, глухая, но жгучая. Жорж... Его образ, когда-то казавшийся божественным, теперь виделся ей искаженным, как в кривом зеркале. Он не любил её, он использовал её слабость, её жажду тепла, чтобы пробраться в дом генерала, чтобы стать хозяином там, где ему не было места. Но он просчитался в одном. Он думал, что она — сломленная кукла, которая будет молчать, пока он будет распоряжаться её судьбой и судьбой её ребенка. Однажды, спустя месяцы, когда Варвара уже с трудом передвигалась по дому, в гостиную вошел Жорж. Он выглядел так же безупречно, как в тот вечер на балу: белокурые волосы, дорогая трость, снисходительная улыбка. Он приехал проверить «свой актив».

- Варвара, дорогая, - он подошел к ней, пытаясь взять за руку. - Ты выглядишь... утомленной. Но скоро всё закончится. Генерал ждет сына.

Варвара медленно поднялась. Её движения были тяжелыми, но взгляд - неожиданно ясным и холодным. Она не отдернула руку. Она посмотрела ему прямо в глаза, и в этом взгляде Жорж вдруг увидел не покорную экономку, а женщину, которая уже прошла через ад и вернулась оттуда с чем-то, чего он не мог просчитать. - Ты хочешь наследника, Жорж? - её голос, тихий и хриплый, прозвучал в комнате даже громче чем всегда. - Ты хочешь войти в этот дом?

- Это в наших общих интересах. - Он усмехнулся, но улыбка вышла нервной.

- Нет, - она сделала шаг вперед, заставляя его отступить. - В твоих интересах - власть. В моих - жизнь этого ребенка. И если ты думаешь, что я позволю тебе хоть пальцем коснуться его, когда он родится, ты глубоко заблуждаешься. Я буду молчать перед отцом, я буду играть свою роль, пока он жив. Но ты... ты для меня перестал существовать в тот самый миг, когда я упала на паркет, а ты даже не шелохнулся.

Жорж хотел что-то ответить, привычно язвительно и высокомерно, но осекся. В глазах Варвары не было ни любви, ни страха. А неожиданно в руках оказался нож для открывания писем, который до этого лежал под книгой. Удар и Жорж лежит на полу в луже крови. Что было, потом она не помнит, помнила только перепуганное лицо матери, которая приехала к ней так как нужно было поддержать легенду. Крик ребёнка и злобный шёпот отца, что бы она молчала и она молчала 25 лет.

- Вы убили моего отца! - Сергей медленно обернулся, и на его губах заиграла злая, почти болезненная усмешка. Он сделал шаг к женщине, которая всю жизнь была его тенью. Варвара... Она всегда бежала первой на его зов, она выгораживала его перед отцом, она утаивала его грехи, как драгоценные камни, пряча их в складках своего платья. И теперь, когда маска сорвана, она оказалась его матерью.

- Люди! Сюда! Убийца здесь! - Леденящий душу крик Марты Викторовны, женщины, которую Сергей привык называть матерью, разорвал тишину особняка.

Варвара в ужасе вскочила, бросилась к ногам генеральши, неистово целуя её руки и подол платья. - Матушка, не надо! Пощадите меня и моего сына, прошу вас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.